

Дорогие мои читатели!

Я очень рад предоставившейся мне возможности обратиться с несколькими словами к любителям музыки и классического искусства — особенно оперы и балета, симфонической музыки. Книга господина Кобаяси написана прежде всего со знанием процесса взаимодействия двух культур — японской и российской. За последние 36 лет я многократно бывал в Японии, а автор книги, в свою очередь, работал в России с начала 90-х годов. Мы встретились с ним в Ленинграде, в 1991-м, на съемках спектаклей Мариинского театра. Тогда японская телекомпания NHK впервые хотела осуществлять записи в высокочастотном формате high definition. Это было «новым словом», и спектакли Мариинского театра выбрали как наиболее желательные. Мы осуществили несколько проектов, в том числе съемки исторических спектаклей «Хованщина» Мусоргского и «Пиковая дама» Чайковского, которые, безусловно, ярко и глубоко представляют русскую оперную традицию, они известны во всем мире и в том числе благодаря записям NHK. Эти записи стали качественно новым шагом в освоении передовых технологий. Мы были среди первых театров

мира, которые могли в таком формате запечатлеть свои лучшие спектакли, а господин Кобаяси возглавлял эту миссию NHK в Москве.

Наше знакомство с ним переросло в частые встречи. Во время моих визитов в Японию (начиная с 1993-го и затем почти каждый год) мы узнавали друг друга все лучше и лучше. Особенно важным для меня был приезд господина Кобаяси в Северную Осетию — Аланию, автономную республику на юге России. В детстве, с пятилетнего возраста и до 19 лет, я жил во Владикавказе, где получил музыкальное и общее образование. Мне очень повезло — у меня были замечательные педагоги. Я рос в атмосфере огромного любопытства к окружающему миру, к дикой природе Кавказа — особой гордости края: высокие горные массивы, быстрые шумные горные реки, очень прохладные, связанные с таянием ледников... В десять лет я уже занимался в музыкальной школе, учился играть на фортепиано, а где-то с пятнадцати стал постигать с помощью замечательных педагогов и секреты дирижирования оркестром. Это довольно ранний старт: в пятнадцать лет нечасто будущие дирижеры начинают свои попытки приблизиться к основам профессии.

Меня очень порадовало появление господина Кобаяси у меня на малой Родине во Владикавказе. Мы проводили там фестивали «Мир Кавказу». Кавказ — очень сложный регион, всегда был таким и до сих пор остается: там проживает много разных народов, и ситуация немного даже напоминает ситуацию в районе Тихого океана, где много культур, сильные экономики, богатые древние традиции, но есть не только единства, но и различия. И вот эти же различия на Кавказе дали в самые первые годы моей сознательной жизни, учебы представление о том, что культура может и должна

объединять. Но культурные различия, различия традиций, вероисповедания, совершенно естественно, разные языки, разные представления о прошлом каждого народа — это создавало на Кавказе тогда, в 90-е годы, ситуацию весьма непростую.

Книга, написанная господином Кобаяси, основана на его личных впечатлениях от нашего знакомства и присутствия на многих-многих моих концертах — это в основном выступления оркестра Мариинского театра, но я бывал в Японии и с другими оркестрами, приглашавшими меня возглавить такие турне, например, с оркестром Венской филармонии, где я работал, Лондонским оркестром, где я был главным дирижером, Голландским — из Роттердама. Я также работал с лучшими оркестрами Японии, выступал с оркестром РМФ*: художественным руководителем этого фестиваля являюсь уже лет семь. Я имею богатый опыт выступления не только в Токио, но и во многих других городах Японии — как на севере (Хоккайдо), так и на юге.

У меня огромное количество впечатлений от работы в Японии за эти несколько десятков лет, огромное количество друзей, и я имел возможность не только выступать, дирижировать, не только репетировать и быть поглощенным профессиональными своими обязанностями, но я мог — и это потрясающий подарок для меня — познакомиться и с традициями, и с национальными святынями Японии. Например, я с восторгом отношусь к тому, что в Японии принято снимать обувь при входе в ресторан. Такой ритуал, мне кажется, говорит о том, насколько богатые и глубокие древние традиции у японского народа, и они почитаются и новыми

---

* *Pacific Music Festival — Тихоокеанский музыкальный фестиваль в Саппоро, Япония (прим. ред.)*

поколениями японцев. Мы с большим восхищением всегда следуем этим негласным правилам, и я каждый раз жду новой встречи с этой замечательной страной.

Совсем недавно, пять лет назад во Владивостоке появился филиал Мариинского театра. Теперь мы бываем во Владивостоке несколько раз в год, и мои друзья из Японии прилетают во Владивосток. Таким образом мы тоже продолжаем наши отношения и обогащаем свои представления о культуре наших стран. Я с нетерпением жду новых встреч с моими японскими друзьями, а также надеюсь, что вам понравится и покажется интересным и любопытным то, что вам предстоит узнать на страницах этой книги.

Спасибо вам огромное за интерес, который вы проявляете к российской культуре, к истории русской музыки. Русские композиторы горячо любимы в Японии: чего стоит только упоминание имени Чайковского! Нас, музыкантов, это очень радует и переполняет наши сердца гордостью, когда мы думаем о том, что спектакли, например, Мариинского театра в Японии всегда вызывают большой интерес — и концерты, и симфонические программы, и оперные, и балетные спектакли. За эти несколько десятков лет в Японии состоялись наши многочисленные выступления, что является, как мне кажется, лучшим примером того, как могут развиваться культурные отношения между нашими странами. Желаю вам всем удачи и здоровья, особенно в это сложное время. Берегите себя! До новых встреч!

Валерий Гергиев, октябрь 2020

ГЛАВА 1

Распад СССР
и русская
культура

НЕОБЫЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

В детстве у меня было слабое здоровье. По словам родителей, еще до того, как я пошел в школу, мне поставили несколько неутешительных диагнозов. Говорили, что меня уже не удастся спасти. Чуть позже я узнал о том, что это были за диагнозы, но до настоящего момента не рассказывал о них даже своей семье, потому что привык скрывать. Я решил впервые рассказать об этом здесь, поскольку избавление от тех недугов заложило основу моего отношения к людям.

Мне поставили диагнозы «инфильтрат легких», «непроходимость кишечника» и в придачу — «менингит». Тогда, в детстве, мне больше всего не хотелось, чтобы кто-то узнал именно о нем. Потому что во время детских ссор решающим аргументом, наносившим противнику невосполнимый урон, была фраза «А у тебя — менингит!». Да и сейчас мне так непросто признаваться в том, что у меня и вправду был менингит. Я весьма смутно представлял себе, что же это, собственно, за болезнь такая, но долгие годы не мог рассказать о ней из-за тех детских перепапок.

Честно признаться, я и не помню, какие у меня были симптомы. Я вообще теперь редко слышу о менингите.

Родители рассказывали, что никто уже не верил в мое спасение, поэтому избавление сразу от трех болезней стало настоящим чудом. Один из наших родственников работал врачом в деревне. Других врачей в округе не было, поэтому неудивительно, что местные жители целиком уповали на него одного. Разумеется, пациенты не обладали достаточными знаниями для того, чтобы отличить профессионального врача от шарлатана. Но все ему доверяли, считая специалистом высокого класса. Обращались к нему не иначе, как «господин доктор», а на главной деревенской площади и по сей день стоит огромный памятный камень в его честь. Говорят, мое спасение, в которое уже не верил даже этот специалист высокого класса, объясняется тем, что я чудесным образом вылечился от непроходимости кишечника. Теперь уже непонятно, было ли мое выздоровление результатом грамотного лечения, которым я обязан «господину доктору», или он просто поставил ошибочный диагноз, но, как бы то ни было, с самого детства мне без конца твердили о том, что я тогда спасся от неминуемой гибели.

И это спасение, как я уже сказал, предопределило мое отношение к людям: я ценю каждую встречу. И с тем, кто приятен, и с тем, кто не очень. С тем, с кем при первой же встрече предвкушаешь увлекательное общение, и с тем, с кем ничего такого не чувствуешь. С важными персонами и с простыми людьми. Первое впечатление может быть каким угодно. Встречая нового человека, я всякий раз задумываюсь о том, какое же удивительное это событие.

На земле живет семь миллиардов человек. Хотя продолжительность жизни увеличилась, даже если

очень повезет, она составляет менее ста лет. И то, что за такой короткий временной отрезок мы встречаем одного человека из семи миллиардов, кажется мне чем-то невероятным. Это чудо, которым мы не можем управлять. А раз так — ни одной встречей нельзя пренебрегать. Пусть это прозвучит несколько пафосно, но именно так я отношусь к каждой встрече.

В детстве я очень легко поддавался влиянию взрослых. Как-то учитель в начальной школе сказал мне, что я хорошо рисую. Я в это поверил и даже начал писать в сочинениях, что стану художником. Прошло совсем немного времени, прежде чем эта мечта разбилась вдребезги, но вплоть до средней школы я тешил себя иллюзиями.

Наш классный руководитель, недавний выпускник университета, был влюблен в театр. На уроках арифметики он читал нам вслух отрывки из книг, а когда дело доходило до отчетных выступлений, проявлял невероятный энтузиазм. Из-за этого отношение к нему как со стороны учителей, так и со стороны родителей было неоднозначным, но нам, школьникам, он нравился. Думаю, что секрет хорошей режиссуры как раз и заключается в том, чтобы заставить исполнителя поверить в то, что он играет, а наш классный руководитель воздействовал на нас как истинный режиссер!

Однажды он сказал мне: «А ты здорово пишешь. Тебе нужно стать журналистом!» Сомневаюсь, что он и впрямь имел четкое представление о работе журналиста, но я был ребенком весьма внушаемым,

поэтому к началу старшей школы увлекся этой идеей уже всерьез.

Я решил стать специальным корреспондентом и путешествовать по миру. Размышляя над тем, в какой университет поступить, чтобы претворить свою мечту в жизнь, я узнал, что в СССР запустили на космическую орбиту первый искусственный спутник. Само слово «спутник» стало интернациональным, а весь мир поражался тому, что этот грандиозный проект был осуществлен под руководством генсека Хрущёва, который, к слову сказать, был сыном шахтера.

Ну конечно! Если я выучу русский язык, то смогу стать спецкором. Так моя внушаемость в сочетании с авантюризмом предрешили мою судьбу. Немного подучив русский в университете, я стал журналистом ННК, а затем, как и мечтал, был назначен специальным корреспондентом в Москве. Тогдашний президент компании Ёсинори Маэда — космополит, пришедший из редакции газеты «Асахи Симбун» — вызвал меня к себе в кабинет и, вручив приказ о назначении, сказал:

— Ты у нас самый молодой спецкор. Смотри не подкачай!

— Спасибо!

Только представьте себе радость доверчивого юнца, чья мечта стала реальностью!

Широко расправив плечи, я поехал в Москву. Однажды малолетний сынишка местного начальника отдела спросил меня:

— Дядя, а ты ведь важный начальник, да?

— А ты, я вижу, хоть и маленький, но смышленный.

А почему ты думаешь, что я важный начальник?

— Так ты же каждый день галстук носишь!

Страна рабочих и крестьян. Галстук здесь — атрибут важного человека. Таким образом, мое представление о собственной важности сразу же было обесценено. А вслед за ней и мои способности в русском языке:

— А почему ты немного по-русски понимаешь?

— Немного?!

— Ну, про *картошку* ты же не знал.

И правда, в университете мы проходили только слово *картофель*.

Так я и работал спецкором, «немного понимая по-русски», но во всем своем величии этот язык раскрылся для меня только благодаря знакомству с главным героем этой книги Валерием Гергиевым. Случилось это в 1992 году в святой святых русской культуры, в закулисы Мариинского театра, который тогда еще назывался Кировским. Только что закончился оперный спектакль — время было довольно позднее.

В марте 1985 года, за год до моего назначения начальником московского отдела НК, 54-летний Горбачёв возглавил СССР — одну из двух супердержав, поделивших мир на два лагеря. Народ, измученный длительным периодом геронтократии, с энтузиазмом принял новый политический стиль Горбачёва, который не читал по бумажке с монотонной интонацией, а открыто и с улыбкой обращался прямо к людям. Даже я, иностранный журналист, ощущал эмоциональный подъем.

Лозунгами новой политики стали «перестройка» и «гласность», при этом введение последней значительно изменило стиль нашей работы. Раньше иностранных журналистов подозревали в шпионаже, но теперь бояться было некого, появилась свобода слова.